

***Jāt(u)vā** „Ятва“ – название западнобалтийской земли [см. также *Sudowia* (там же и док. *Denowe* „Дайнава“)] = *Jātvā соотв. (*Jātvā = **Jāt^hvā* →) *Jātuvā. Здесь имеет место переход *-tv- = **t^hv-* → **tuv-*, точнее – [с билабиальным ятв. *u (не губнозубным **v!*), как и пр. *u] **-tu-* = **-t^hu-* → **-tuu-*, который возможен (хотя и необязателен) уже в силу того, что он неотделим от случаев древнего перехода **-u-* = **-u-* → **-uu-*, о чем см. Mažiulis *Baltistica* III 39 далее, сн. 102.

Почти все балтисты согласны с К. Бугой, который из др.-русск. *Ятвягы* (асс. pl.) и т.п. восстановил ятв. *jātvingas „ятвяжец“ ← ятв. *Jātvā „земля ятвягов“ (Būga III 153 далее) и вывел соответственные литовские формы *jótvingas* (вместо этого позднее получила распространение форма *jótvingis*) и *Jótva.

Восстановленную К. Бугой из др.-русск. *Ятвягы* и т.п. форму ятв. *jātvingas „ятвяжец“ (Būga l.c., см. также Топоров ПЯ III 15–19) принято считать производной с помощью суффикса *-ing- (восстанавливаемого для этого слова всеми без исключения исследователями!) от ятв. *Jātvā „земля ятвягов“ (см. прежде всего Būga l.c., Топоров l.c.), что, как и ятв. **Jāt(u)vā* „то же“ является вполне надежной реконструкцией (см. далее). Иные реконструкции слова „земля ятвягов“ (например та, которую предлагает J. Nalera, Jaświęgowie. Białystok 1964) совершенно необоснованны (об этом в другой раз), см. и Топоров ПЯ III 17–18.

Однако восстановление этнонима ятв. *jātvingas „ятвяжец, житель ятвяжского края“ на самом деле является порочным ввиду суффикса (ятв.) *-ing-: у балтов нет и не было этнонимов (как языковых фактов!), произведенных с помощью суффикса *-ing- [у балтов не было и гидронимов с составным суффиксом **-t(u)ving-*]; ср. напр., лит. *lietūvis (lietuviš)* „житель литовского края“ (← *Lietuvà* „земля литовцев“), суд. *sūduvīs „житель судовского края“ (← *Sūduvā* „земля судовцев“, см. *Sudowia*) и т.п. Поэтому следует признать, что существовало не слово *jātvingas „ятвяжец“, а

скорее, ятв. **jāt(u)vīs* „то же“ – производное с помощью флексии от ятв. **Jāt(u)vā* „земля ятвягов“. /.../

Из всего сказанного следует такой вывод: сегмент *-яг-* < **-eg-* в слове др.-русс. *Ятвягы* (и т.п.) предполагает не ятв. **-ing-*, а приложение к [ятв. **jāt(u)vīs* „ятвяжец“ >] сл. . **jat(ь)въ* „то же“ восточнославянского суффикса *-яг-* < **-eg-*, обобщенного из др.-русс. этнонима *вар-яг* (ср. еще др.-русс. *кълб-яг* „варяг“, *бур-ягъ*, о чем Vasmer II 287 s.v. *Колбяги*, I 250 s.v. *Буряги*, I 276 s.v. *варяг*) < **-egъ* и бывшего показателем уничтожительности в словообразовании славизированного этнонима „ятвяжец“; ср. этноним русск. *Мордва* „край мордовцев“ с суффиксом *-ва*, по-видимому обобщенным из русск. *Лит-ва* „край литовцев“ (это показал проф. В. Чакмонас в своем докладе на Международной конференции балтистов 1985 г.). Следовательно, др.-русс. *Ятвягъ* (и т.п.) „ятвяжец“ < **jatvęgъ* „то же“ (ср. польск. **jatvęgъ* „то же“, что просто-напросто представляет собой трансформу др.-русс. *ятвяг* „то же“) был гибридным пейоративом, причину возникновения которого (как пейоративо!) не трудно понять: ятвяги много воевали со своими соседями славянами.

Этноним ятв. **Jāt(u)vā* „земля ятвягов“ следует возводить к гидрониму ятв. (рк.) **Jāt(u)vā* (см. *Vūga* I.c., ср. Топоров ПЯ III 19), т.е. к названию небольшой реки (ручья), в наше время исчезнувшему (что вряд ли можно как-то связать с обнаруженным в исторических источниках XVI в. ручьем в окрестностях Лиды – *Vūga* III 154). Буга пытался объяснить происхождение этого гидронима некоторыми этимологическими сближениями (*Vūga* III 154 и далее), которые, не будучи подкреплены анализом исторического словообразования, являются не этимологией, а некоторым принимаемым (см. далее) или не принимаемым на веру допущением (см. Топоров I.c.). Ведь из такого допущения (*Vūga* I.c.) следует лишь то, что за гидронимом ятв. (рк.) **Jāt(u)vā* скрывается глагол балт. **jā-* „идти, двигаться (вперед) и т.п.“ (> лит. *jó-ti* „ехать верхом“ и пр.) < инд.-е. *īā-* „то же“ (> др.-инд. *yā-ti* „он идет, направляется, едет“ и пр.); такой вывод, хоть в общем и достаточно надежный (см. далее), тем не менее, как упомянуто, сам по себе еще не является этимологией

данного ятв. слова (рк.) **Jāt(u)vā*.

По происхождению ятв. (рк.) **Jāt(u)vā* скорее всего является $\bar{a}$ -основным прилагательным женск. р. балто-сл. **jāt(u)vā* „обладающая свойством идти, двигаться (вперед)“ [значение устанавливается в соответствии с глагольным корнем балто-сл. **jā-* (см. выше) и из дальнейшего изложения] наряду с *o*-основным [инд.-е. традиц., балт. *a*-основным – *переводчик Л.П.*] прилагательным мужск. и ср. р. балто-сл. **jāt(u)va-* „то же“. Из соответствующих форм среднего и женского рода этого балто-славянского прилагательного возникли и (деадъективные) существительные сл. (ср. р.) **jāt(u)va* „нечто обладающее свойством идти, двигаться (вперед)“, (женск. р.) **jāt(u)vā* „та, что обладает свойством идти, двигаться (вперед)“ → русск. диал. (ср. р.) *ятво* „обилие рыбы в сети“, (женск. р.) *ятва* „большое скопление рыбы в воде“ и т.п. (ср. *Vūga* III 150, ЭССЯ VIII 183 и далее).

Такое прилагательное балто-сл. **jāt(u)va-* / **jāt(u)vā-* следует считать флективным (**-a-* / **-ā-*основным) производным от существительного балто-сл. (ср. р.) **jātu* „особенность хождения, движения (вперед)“ < инд.-е. (neutr. < genus pass.) **jātu* „то же“, т.е. от абстрактного имени, которое было явно не u_1 , а u_2 -основным (см. *Mažiulis* BS 279 и далее), иначе говоря, не *eu-*, а *u-*основным по Бенвенисту [Витаутас Мажюлис развил теорию инд.-е. корня Эмиля Бенвениста, связав полную ступень огласовки с так. наз. „активной“ семантикой, а нулевую ступень – с так наз. „пассивной“ семантикой; для отличия терминов от глагольного залога, не имеющего ничего общего с указанным праязыковым строем, я не раз „гласом вопиющего в пустыне“ предлагал заменить термины „активный“, „пассивный“ („род“) на термины „фигентивный“, „инертный“ – *переводчик Л.П.*]. Относительно таких существительных, выводимых от прилагательных, подобных **jāt(u)va-* / **jāt(u)vā-*, ср. *Benveniste Origines* 79 далее, 57 далее, 71 далее.

Это абстрактное имя инд.-е. **jātu* „особенность хождения, движения (вперед)“ > балто-сл. ср. р. **jātu* „то же“ является, как думаю, деадъективом, т.е. претерпевшим субстантивацию *u*-основным прилагательным, имевшим u_2 -основную форму инд.-е. (genus pass.) **jātu* „идушее,

движущееся (вперед)“ > балто-сл. именит.-винит. ср. р. **jātu* „то же“ (ср. напр. слова *dolu, garian*), существовавшую наряду с u_1 -основной формой прилаг. инд.-е. (genus act.) **jātu-s* „то же“ > балто-сл. (именит. падеж мужск. р.) **jātu-s* „то же“. Опираясь на общепринятое положение о том, что морфология индоевропейских существительных и прилагательных по существу была одинакова, без затруднений делаем вывод: не только u -основные существительные (пассивного) ср. рода, но и u -основные прилагательные (пассивного) ср. рода характеризовались сплошь u_2 -основой (т.е. неапофонической нулевой огласовки $-u-$), а не u_1 -основой (апофонической, чередовавшей полную $-(e/o)u-$ и нулевую огласовки). Последняя стала проникать в парадигму u_2 в достаточно позднюю эпоху, уже в разных индоевропейских диалектах (ср. *Mažiulis l.c.*). Следовательно, нет оснований сомневаться в допущении, что u -основное абстрактное имя (пассивного > ср. рода) инд.-е. **jātu* > балто-сл. (ср. р.) **jātu* по своему происхождению является не существительным, а (u_2 -основным) прилагательным (пассивного > ср. рода) инд.-е. **jātu* „идущее, движущееся (вперед)“ > балто-сл. (ср. р.) **jātu* „то же“. Поэтому положение Бенвениста о том, что индоевропейские прилагательные типа др.-гр. (ср. р.) $\Theta\tilde{\eta}\lambda\upsilon$ происходят от существительных среднего рода (Benveniste *Origines* 56–57), следует сформулировать в противоположном смысле (не прилагательные среднего рода происходят от существительных среднего рода, а существительные среднего рода от прилагательных среднего рода).

Как из субстантивного u_2 -основного (неапофонического!) исхода инд.-е. $*-u-$ был выведен суффикс прилагательного инд.-е. $*(u)\upsilon\sigma-l$ $*(u)\upsilon\bar{a}$ > балто-сл. $*(u)va-l$ $*(u)v\bar{a}$ [напр., балто-сл. adj. **jāt-(u)va-l* $*(u)v\bar{a}$, см. выше], так и из субстантивного u_1 -основного (апофонического!) исхода инд.-е. $*(e/o)u-$ был выведен суффикс прилагательного инд.-е. $*-e/o\upsilon\sigma-l$ $*-e/o\upsilon\bar{a}$ > балто-сл. $*-ava-l$ $*-av\bar{a}$, ср. Benveniste *Origines* 70 и далее. Поскольку u_1 -основные индоевропейские (активного рода) > балто-славянские (мужского рода, о женском см. ниже) прилагательные выполняли в предложении не только роль определения, но и подде-

жащего, они субстантивировались, превращаясь уже не в абстрактные имена (как в случае с инд.-е. **ġātu* > балто-сл. **jātu*), а в имена деятеля. Следовательно, существовало и *u*₁-основное существительное (деадъективное имя деятеля) активного рода инд.-е. **ġātus* „тот, который идет, движется (вперед)“ > балто-сл. **jātus* „то же“, как и произведенное от последнего прилагательное инд.-е. **ġāte/ouo-l *ġāte/ouā-* „принадлежащий / принадлежащая тому, который идет, движется (вперед)“ > балто-сл. **jātava-l *jātavā-* „то же“. Последнее было прилагательным признака принадлежности, а не прилагательным признака особенности, подобным упомянутому инд.-е. **ġāt(u)uo-l *(u)uā-* > балто-сл. **jāt(u)va-l *(u)vā-*. Для семантики древних гидронимов признак особенности воды и проч. был по всей вероятности более характерным, чем признак принадлежности. Поэтому следует полагать, что балтийские гидронимы на **-t(u)v-* [< прилагат. балто-сл. **-t(u)va-l *-ā-*] древнее гидронимов на **-tav-* [< прилагат. балто-сл. **-tava-l *-ā-*]. То же следует сказать и о не малой группе балтийских гидронимов соответственно на **-(u)v-* [< прилагат. балто-сл. **-(u)va-l *-ā-*] и на **-av-* [< прилагат. балто-сл. **-ava-l *-ā-*], т.е. о балтийских гидронимах: лит. (рк.) *Vaig-uva* и пр. (рк.) **Vaig-avā* (откуда и засвидетельствованный в ист. документах топоним *Waigaw*), лит. (рк.) *Šeš-uvà* и латв. (рк.) *Ses-ava*, суд. (рк.) **Sūd-(u)vā* и **Sūd-avā* и т.д. (все это рассматривается специально, см. *Scalowia, Sudowia*).

Поэтому гидронимы лит. (рк.) **Leit(u)vā* (откуда и наименование *Lietuvà* „Литва“), лит. (рк.) *Latvà*, лит. (рк.) *Vaiguva* и т.п. должны считаться древнее своих вариантов лит. (рк.) **Leitavā* (рк. **Lietava* → рк. *Lietáuka*), лит. (рк.) *Latavà*, пр. (рк.) **Vaigavā* и т.д., т.е. должны считаться древнее гидронимов на **-tav-*, **-av-*, которые в отдельных диалектах вытеснили гидронимы на **-t(u)v-*, **-(u)v-* (ср. *Mažiulis Baltistica* III 41 и сн. 107). Поскольку нет сведений о существовании у ятвяжского гидронима (рк.) **Jāt(u)vā* варианта ятв. (рк.) **Jātavā* (возможно, он и возник либо в каком-нибудь ятвяжском диалекте, либо, уже как этноним, в каком-нибудь соседнем балтийском диалекте), остается предполагать, что ятвяги сохраняли первичную форму ятв. (рк.) **Jāt(u)vā*. Ср. напр., первичную

форму лит. (рк.) **Leit(u)vā* (→ *Lietuvà* „Литва“), образовавшуюся от формы балто-сл. прилагательного (женск. р.) **lēit(u)vā* „обладающая свойством литься“, восходящего к u_2 -основному существительному балто-сл. ср. р. *lēitu „свойство литься“ < инд.-е. u_2 -осн. сущ. *lēitu „то же“. Последнее восходит к прилагательному инд.-е. **lēitu-* „льющий(ся)“ (являющемуся производным с помощью суффикса *-*tu-* от корня глагола инд.-е. **lēi-* „лить“) > балто-сл. прилаг. **lēitu-* „то же“ (подробно об этой исторической цепочке словообразования см. выше).

К изложенному остается добавить, что наряду с *u*-основной формой прилагательного мужского и женского рода балто-сл. *jātu существовала и *ī-ljā*-основная форма женского рода *jātvī „идушая, движущаяся (вперед)“ > *jātī „то же“ (ср. прилагательные лит. женск. р. *plat-i* < *platī < *plativī, см. Endzelīns BVSF 50), которая в свою очередь могла претерпеть субстантивацию в существительное женск. р. *jātī „особенность хождения, движения (вперед)“ (см. *arrien*). От последнего, на мой взгляд, имелось произведенное с помощью флексии прилагательное ятв. (женск. р.) *jātijā „обладающая особенностью хождения, движения (вперед)“ [ср. образование вышеупомянутого прилагательного (женск. р.) балто-сл. **jāt(u)vā* „то же“, см. выше], откуда и гидроним (ятв. >) лит. *Jotijà.

Наряду с прилагательным балто-сл. **jātu-* „идуший, движущийся (вперед)“ < инд.-е. **jātu-* „то же“, явным производным с помощью суффикса *-*tu-* от глагола **jā-* „идти, двигаться (вперед)“ (см. выше), существовало и другое индоевропейское производное от того же глагола с помощью суффиксов *-*to-* и *-*tā-*: прилагательное инд.-е. (мужск., ср. р.) **jāto-* „идуший, движущийся (вперед)“, (женск. р.) **jātā-* „то же“ > балто-сл. (мужск., ср. р.) **jāta-* „то же“ (> лит. *jotas*, partic. praet. pass.), (женск. р.) **jātā-* „то же“ → сл. сущ. (ср. р.) *jātā „особенность хождения, движения“, (женск. р.) *jātā „то же“ → сербо-хорв. *jāto* „стая птиц и т.п.“, словен. *jata* „стадо и т.п.“ (ср. Vūga III 154, ЭССЯ VIII 182). Основой гидронимов лит. (< ятв.) (рк.) *Jōt-upis*, *Jot-ùlė* могут быть балто (-сл.) прилагательные как **jātu-* „идуший, движущийся (вперед)“, так и **jāta-* „то же“.